

RU

Специфика взаимоотношений КПРФ с компартиями бывших союзных республик в период 1991-1995 гг.

Майоров Г. А.

Аннотация. Цель исследования – установить, какие факторы определяли характер и динамику взаимоотношений Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) с коммунистическими партиями бывших союзных республик в 1991-1995 гг. В статье прослеживается процесс институционализации межпартийных связей через Союз коммунистических партий – Коммунистическую партию Советского Союза (СКП-КПСС); анализируются три модели взаимодействия – союзничество (Компартия Белоруссии), колеблющаяся лояльность (Компартия Украины, компартии Центральной Азии) и автономизация (Партия коммунистов Республики Молдова, Единая коммунистическая партия Грузии, компартии Прибалтики); выявляется роль личностного фактора в компенсации слабости формальных координационных структур. Научная новизна состоит в том, что на основе ранее не привлекавшихся документов личного фонда В. И. Зоркальцева (РГАСПИ, ф. 813) установлена зависимость конкретной модели межпартийного взаимодействия от четырёх факторов: геополитического положения страны, электорального потенциала партии, характера политического режима и персональных связей партийных руководителей. В результате установлено, что к середине 1990-х гг. единство коммунистического движения на постсоветском пространстве оказалось в значительной мере размытым: СКП-КПСС выполнял лишь координирующие функции, а каждая из партий-участниц всё более определённо выстраивала национально ориентированную стратегию.

EN

The specifics of the relationship between the Communist Party of the Russian Federation and the communist parties of the former Soviet republics (1991-1995)

G. A. Mayorov

Abstract. The aim of the study is to identify the factors that determined the nature and dynamics of relations between the Communist Party of the Russian Federation (CPRF) and the communist parties of the former Soviet republics in 1991-1995. The article traces the institutionalization of inter-party ties through the Union of Communist Parties – CPSU (UCP-CPSU), analyzes three models of interaction – alliance (Communist Party of Belarus), oscillating loyalty (Communist Party of Ukraine, Central Asian communist parties), and autonomization (Party of Communists of the Republic of Moldova, United Communist Party of Georgia, Baltic communist parties) – and reveals the role of the personal factor in compensating for the weakness of formal coordination structures. The scientific novelty lies in the fact that, based on previously unused documents from V. I. Zorkaltsev's personal archive (RGASPI, fund No. 813), the dependence of the specific model of inter-party interaction on four factors has been established: the geopolitical position of the country, the electoral potential of the party, the nature of the political regime, and the personal ties of party leaders. As a result, it is established that by the mid-1990s the unity of the communist movement in the post-Soviet space had been largely eroded: the UCP-CPSU performed only coordinating functions, while each member party increasingly pursued a nationally oriented strategy.

Введение

Распад любого крупного политического образования ставит перед идеологически близкими силами вопрос о формах дальнейшего сотрудничества. Когда в декабре 1991 г. прекратил существование Советский Союз, этот вопрос с особой остротой встал перед коммунистическими партиями, которые на протяжении

семи десятилетий существовали как республиканские подразделения единой Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Утрата союзного центра, запрет КПСС указами Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) Б. Н. Ельцина от 23 августа 1991 г. № 79, от 25 августа 1991 г. № 90 и от 6 ноября 1991 г. № 169 (Постановление КС РФ, 1993), а затем частичное восстановление права на партийную деятельность – всё это в сжатые сроки поставило бывших единомышленников в принципиально новые условия. Каждая республиканская компартия оказалась перед необходимостью заново определять свою идейную платформу, выстраивать отношения с национальными элитами и одновременно решать, в какой мере сохранять связи с российскими товарищами.

Актуальность исследования определяется потребностью в научном осмыслении исторического опыта межпартийной координации на постсоветском пространстве в условиях, когда вопросы интеграции и дезинтеграции на территории бывшего СССР вновь находятся в центре политической повестки. Понимание того, почему попытки реинтеграции коммунистического движения в первой половине 1990-х гг. не привели к устойчивому организационному единству, значимо для исследователей постсоветских политических процессов, для специалистов в области межпартийного сотрудничества, а также для практиков, занимающихся выстраиванием многосторонних связей на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Между тем конкретные механизмы этого взаимодействия – организационные, идейные, личностные – изучены явно недостаточно; корпус архивных источников, отражающих повседневную практику межпартийных контактов, до сих пор лишь частично введён в научный оборот.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- определить организационные условия и правовые предпосылки восстановления коммунистических партий на постсоветском пространстве;
- исследовать институциональные формы координации компартий (прежде всего – деятельность СКП-КПСС);
- проанализировать идейно-тактические разногласия между КПрФ и отдельными братскими партиями;
- оценить роль субъективного фактора – межличностных связей партийных руководителей – в формировании характера двусторонних отношений.

Методологической основой исследования служат принципы историзма, объективности и системности. Проблемно-хронологический метод позволил выделить последовательные этапы складывания межпартийных отношений – от первых контактов 1991-1992 гг. через институционализацию СКП-КПСС в 1993 г. к нарастанию разногласий 1994-1995 гг. Сравнительно-исторический метод использован для сопоставления тактики различных республиканских компартий и выявления факторов, определявших степень их лояльности к интеграционному курсу КПрФ. Системный метод дал возможность рассмотреть взаимоотношения компартий как целостный комплекс, в котором организационные, идеологические и личностные аспекты были неразрывно связаны.

Теоретической базой исследования послужили работы, освещающие трансформацию коммунистического движения на постсоветском пространстве. Прежде всего, это монография К. Д. Николенко (2015а), посвящённая проблеме исторической преемственности и поиска новой политической идентичности КПрФ, а также его же статья о динамике партийного влияния (2015б). Вопросы электоральных стратегий постсоветских компартий рассмотрены в коллективной монографии М. Е. Родионовой и соавторов (2018). Диссертационное исследование Ю. С. Ульяновой (2000) привлечено как одна из немногих работ, где систематизирован опыт «народных фронтов» – главных конкурентов коммунистов в борьбе за массовую базу на рубеже 1980-1990-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 по 1995 г. – от распада СССР и запрета КПСС до думских выборов 17 декабря 1995 года, на которых КПрФ заняла первое место с результатом 22,3% голосов. Именно в этот период закладывались основы взаимоотношений российских коммунистов с их зарубежными товарищами, определялись приоритеты и формы сотрудничества. Территориальные рамки включают Российскую Федерацию, Украину, Белоруссию, Молдову, Грузию, Армению, Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Литву, Латвию и Эстонию, то есть все бывшие союзные республики, ставшие независимыми государствами, при акценте на наиболее влиятельные компартии Украины, Белоруссии, Молдовы.

Исследование основано на нескольких группах источников. Первую составляют неопубликованные архивные документы – делопроизводственная переписка, стенограммы съездов, проекты программных документов из фондов РГАСПИ (ф. 665, оп. 1-2, ед. хр. 113; ф. 813, оп. 1, д. 64, 621) и ГА РФ (ф. 10026, оп. 9, д. 95-96, 99-100). Вторая группа – опубликованные программные и уставные документы КПрФ и СКП-КПСС, а также сводный сборник резолюций и решений съездов, конференций и пленумов ЦК КПрФ (КПрФ в резолюциях..., 2006). Третья – публицистика партийных лидеров: работы Г. А. Зюганова (1994) и О. С. Шенина (2002), позволяющие реконструировать идеологические установки руководства КПрФ и СКП-КПСС. Четвёртая – нормативные правовые акты, определившие правовую рамку восстановления партийной деятельности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выявленная типология моделей межпартийного взаимодействия (союзничество, колеблющаяся лояльность, автономизация) и установленные факторы, определяющие выбор модели, могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории постсоветского политического пространства, в преподавании курсов новейшей отечественной истории, а также при разработке аналитических материалов по проблемам межпартийного сотрудничества на пространстве СНГ.

Обсуждение и результаты

Распад Советского Союза в декабре 1991 года привёл к прекращению деятельности всесоюзных партийных структур и резкому обострению центробежных тенденций в коммунистическом движении (Ермаков,

Тарасов, 2023). В большинстве бывших союзных республик – на Украине, в Белоруссии, Молдове, Грузии, Армении, Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане – к 1993–1995 гг. возникли самостоятельные коммунистические партии, декларировавшие преемственность по отношению к республиканским организациям КПСС (Шишков, 2022). Наиболее крупными и влиятельными среди них были Коммунистическая партия Украины (КПУ), Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ), Коммунистическая партия Белоруссии (КПБ), Единая коммунистическая партия Грузии (ЕКПГ). Эти партии унаследовали значительную часть инфраструктуры, кадрового состава и электората бывших республиканских компартий (Шишков, 2022). При этом степень их лояльности к новым национальным элитам существенно различалась – от жёсткой оппозиционности до фактического встраивания в систему власти.

Правовой предпосылкой для возрождения организованного коммунистического движения в России стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации (РФ) от 30 ноября 1992 г. № 9-П, признавшее неконституционным роспуск первичных территориальных организаций Компартии РСФСР (Постановление КС РФ, 1993). Опираясь на это решение, 13–14 февраля 1993 г. в подмосковном пансионате на Клязьминском водохранилище прошёл II Чрезвычайный (объединительно-восстановительный) съезд, объявивший о возобновлении деятельности партии под наименованием Коммунистическая партия Российской Федерации (ГА РФ, ф. 10026, оп. 9, д. 95–96). Съезд принял Программное заявление, в котором была зафиксирована приверженность идеям социализма и народовластия (Программное заявление..., 2006). Председателем Центрального исполнительного комитета (ЦИК) КПРФ был избран Г. А. Зюганов.

Российские коммунисты с самого начала придавали большое значение отношениям с братскими компартиями нового зарубежья. Ещё до формального воссоздания КПРФ, 16–17 ноября 1991 г. представители ряда республиканских компартий – Белоруссии, Казахстана, Украины, Молдовы, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана – встретились в Москве и подписали совместное заявление о «единстве действий» в борьбе против, по их формулировке, «антинародного режима». На этой встрече был избран состав оргкомитета партии «Союз коммунистов», образованы программная и уставная комиссии. Участники встречи также поручили оргкомитету и членам Союза коммунистов принять участие в работе съезда коммунистов, отстаивать на нём создание единой партии, объединяющей все течения коммунистического движения (КПРФ в резолюциях..., 2006).

Знаковым событием стал XXIX съезд КПСС, состоявшийся в Москве 26–27 марта 1993 г. В его работе участвовали 416 делегатов от коммунистических партий Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдавии, Российской Федерации, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины, Эстонии, а также Приднестровья и Южной Осетии. Здесь было принято решение о преобразовании КПСС в Союз коммунистических партий – КПСС (СКП-КПСС), утвердили Программу и Устав Союза (Программа СКП-КПСС, 1993). Съезд провозгласил СКП-КПСС правопреемником КПСС, а коммунистические партии, действующие на территории бывшего СССР, – правопреемниками республиканских организаций КПСС. Председателем Совета СКП-КПСС был избран О. С. Шенин – бывший секретарь ЦК и член Политбюро КПСС (Зюганов, 2009). Показательна при этом хронологическая деталь: КПРФ, воссозданная лишь в феврале 1993 г., формально вступила в СКП-КПСС позднее – на II Всероссийской конференции КПРФ 23–24 апреля 1994 г. (КПРФ в резолюциях..., 2006).

Взаимодействие между коммунистами России и других постсоветских стран с самого начала носило неоднозначный и противоречивый характер. Их объединяли приверженность марксистско-ленинской традиции, неприятие распада СССР, стремление к «добровольному восстановлению обновлённого Союза» – как это было сформулировано в Программе СКП-КПСС (Программа СКП-КПСС, 1993). Вместе с тем каждая партия действовала в специфических условиях своих стран, вынуждена была искать собственную тактику, лавируя между различными политическими силами (КПРФ в резолюциях..., 2006).

С точки зрения историко-политического анализа нам представляется целесообразным выделить три модели взаимодействия КПРФ с братскими партиями, различавшиеся по степени близости, характеру противоречий и определявшим их факторам.

Модель союзничества в наибольшей мере воплотилась в отношениях КПРФ с Компартией Белоруссии. КПБ, возглавляемая В. Е. Чикиным, с момента своего восстановления выступала за тесный союз с Россией и воссоздание единого государства. Совпадение стратегических установок КПБ и КПРФ имело под собой объективные основания: белорусская экономика оставалась глубоко интегрированной с российской, значительная часть электората КПБ идентифицировала себя с советским прошлым, а пророссийские настроения в белорусском обществе были существенно сильнее, чем в большинстве других постсоветских стран (Бахлова, Бахлов, Уляшкина, 2021). Вступление КПБ в СКП-КПСС придало этим связям формальную институциональную рамку. Вместе с тем даже в этой, наиболее благоприятной, модели присутствовал элемент напряжённости: КПБ настаивала на «равноправном характере» российско-белорусского сотрудничества и недопустимости ущемления суверенитета Белоруссии. Показательно, что после избрания в 1994 г. президентом А. Г. Лукашенко, активно продвигавшего интеграционную повестку, КПБ оказалась в двойственном положении: поддерживая курс на сближение с Россией, она одновременно опасалась утраты собственной политической субъектности и растворения в пропрезидентских структурах.

Модель колеблющейся лояльности характеризовала отношения КПРФ с КПУ – крупнейшей и электорально наиболее успешной компартией на постсоветском пространстве. КПУ была восстановлена на съезде в Донецке 19 июня 1993 г. под руководством бывшего второго секретаря Донецкого обкома П. Н. Симоненко, причём само воссоздание партии проходило в полуполюгальных условиях: первая Всеукраинская конференция коммунистов 6 марта 1993 г. в Макеевке была проведена в обстановке конспирации, поскольку формальный запрет

ещё не был снят. Примечательно, что последний первый секретарь ЦК КПУ советского периода С. И. Гуренко и бывший первый секретарь Крымского обкома Л. И. Грач отказались возглавить инициативную группу – Симоненко, взявший на себя эту роль, принадлежал к молодому поколению партийного аппарата и изначально был ориентирован на прагматическую политику (Олейник, Лебедюк, 2014).

Характер взаимоотношений КПУ с КПРФ определялся фундаментальным противоречием: украинские коммунисты, риторически выступая за восстановление союзного государства, фактически строили свою тактику с учётом украинской государственности как данности. На парламентских выборах 27 марта 1994 г. КПУ при поддержке компартии провела в Верховную Раду около ста депутатов, 84 из которых сформировали фракцию во главе с Симоненко, остальные примкнули к идеологически близкой Социалистической партии Украины А. А. Мороза. Это превратило КПУ в ведущую парламентскую силу. На президентских выборах 1994 г. украинские коммунисты не выставили собственного кандидата, оказав неофициальную поддержку Л. Д. Кучме, которого считали меньшим злом по сравнению с Л. М. Кравчуком. Первоначально КПУ заняла конструктивную позицию к новому президенту, однако уже осенью 1994 г., после провозглашения Кучмой курса экономических реформ, перешла к жёсткой оппозиции (Борисенко, 2023). Этот тактический маневр – от неофициальной поддержки к конфронтации в течение нескольких месяцев – наглядно демонстрировал приоритет внутриукраинской политической конъюнктуры над лояльностью к интеграционному курсу КПРФ. В 1995–1996 гг. КПУ выступила против Конституционного договора и новой Конституции Украины, что формально сближало её позицию с линией КПРФ на непризнание постсоветского государственного устройства, но по существу было продиктовано не солидарностью с российскими товарищами, а борьбой с усилением президентской власти Кучмы.

К этой же модели с определёнными оговорками можно отнести компартии Центральной Азии – Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Их объединяли формальное членство в СКП-КПСС и участие в его мероприятиях, но реальные контакты с КПРФ оставались эпизодическими. Определяющим фактором здесь выступал авторитарный характер складывавшихся в этих странах политических режимов: коммунистические партии либо были интегрированы в систему власти, либо действовали в условиях жёстких ограничений, делавших любые международные контакты проблематичными. Письма С. Г. Бадаляна В. И. Зоркальцеву свидетельствуют о попытках координации и с этим направлением – в частности, о встречах представителей компартий стран СНГ в 1993 г. и создании Координационного совета коммунистических, социалистических и рабочих партий (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 621, л. 2–3), – однако практические результаты этих усилий были скромными.

Модель автономизации и конфронтации проявилась в отношениях КПРФ с ПКРМ и ЕКПГ, а специфическую её разновидность представляли компартии прибалтийских стран.

ПКРМ, оформившаяся в начале 1990-х гг. под руководством В. Н. Воронина, с самого начала строила свою программу с акцентом на молдавскую государственность (Боцан, 2006). Источник конфликта с КПРФ лежал не столько в идеологической плоскости, сколько в геополитической: неурегулированный приднестровский конфликт ставил молдавских коммунистов перед выбором между лояльностью Москве и электоральными перспективами в собственной стране. ПКРМ последовательно выбирала второе, что вызывало в руководстве КПРФ обвинения в «оппортунизме» и «ревизионизме». В. Н. Воронин, в свою очередь, критиковал российских коммунистов за «имперские замашки» и вмешательство во внутренние дела Молдовы – прежде всего за поддержку приднестровского руководства, которое молдавские коммунисты рассматривали как сепаратистское. Эта линия конфликта была неразрешима в принципе: любая позиция КПРФ по приднестровскому вопросу неизбежно вступала в противоречие с интересами ПКРМ, и наоборот.

ЕКПГ, возглавляемая П. Г. Георгадзе, действовала в условиях, где само существование коммунистической партии ставилось под сомнение. Острое российско-грузинское противостояние – вокруг Абхазии и Южной Осетии, из-за военных баз, вследствие различия внешнеполитических ориентиров – делало для грузинских коммунистов публичное сотрудничество с КПРФ политически токсичным. ЕКПГ, пережив несколько расколов, к середине 1990-х гг. в значительной мере утратила политическую субъектность (Родионова и др., 2018). Показательно, что межпартийные контакты поддерживались не напрямую, а опосредованно: документы из фонда В. И. Зоркальцева фиксируют, что выход на грузинских коммунистов (С. Ривава) был установлен через секретаря Компартии Армении С. Г. Бадаляна – «по просьбе Зоркальцева» (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 621, л. 5). Сам факт, что контакт с грузинскими товарищами требовал посредничества через Армению, свидетельствует о крайней степени осложнённости прямых российско-грузинских партийных связей.

Компартии Литвы (КПЛ), Латвии (Союз коммунистов Латвии – СКЛ) и Эстонии (Компартия Эстонии – КПЭ) представляли собой особый случай. Сразу после восстановления независимости балтийских республик коммунисты подверглись жёстким репрессиям: партии были лишены собственности, не допущены к парламентским выборам, многие функционеры, не имевшие гражданства, были высланы из своих стран. В этих условиях связи между прибалтийскими коммунистами и КПРФ носили полулегальный характер и ограничивались гуманитарной помощью. Руководство КПРФ неоднократно требовало от властей Литвы, Латвии, Эстонии прекратить дискриминацию местных коммунистов (Ульянова, 2000), однако эти обращения оставались безрезультатными. Определяющим фактором здесь выступал курс балтийских государств на евроатлантическую интеграцию, в рамках которого любые контакты с российскими политическими структурами воспринимались как угроза суверенитету.

Субъективный фактор – личные связи между руководителями партий, их управленческий опыт, идеологические предпочтения – оказывал на характер межпартийных отношений влияние, несоразмерное формальному статусу контактов. В условиях, когда институциональные механизмы координации (СКП-КПСС)

были слабыми, а программные документы носили декларативный характер, именно персональные отношения лидеров определяли, будет ли сотрудничество реальным или останется на бумаге.

Г. А. Зюганов (1994, с. 87), председатель ЦИК (с 1995 г. – ЦК) КПрФ, видевший в восстановлении союзного государства «магистральный путь» спасения цивилизации, выстраивал отношения с братскими партиями через призму геополитического проекта реинтеграции. Его контакты с П. Н. Симоненко (КПУ) были регулярными, но, как показывает динамика украинских событий, не обеспечивали влияния на тактику КПУ: Симоненко последовательно исходил из внутриукраинской логики. Тесными оставались связи Зюганова с руководством КПБ, однако и здесь единомыслие имело пределы – белорусские коммунисты поддерживали интеграцию, но не на условиях подчинения Москве.

Существенную роль играла фигура В. И. Зоркальцева – заместителя Председателя ЦИК КПрФ, одного из ветеранов «дела КПСС» в Конституционном Суде. Именно через Зоркальцева шла значительная часть неформальных межпартийных контактов. Его переписка с С. Г. Бадалян (Компартия Армении) фиксирует не просто обмен любезностями, а конкретную координационную работу: организацию встреч представителей шести компартий в 1993 г., установление через Армению связей с грузинскими коммунистами, обмен оценками политической ситуации (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 621, л. 1-5). Бадалян в письме от 15 января 1994 г. даёт развёрнутую характеристику «тяжелейшего внутривосточного и экономического положения» Армении и оценивает успех КПрФ на думских выборах 12 декабря 1993 г. как фактор, способный укрепить позиции всех постсоветских компартий (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 621, л. 1). Эта деталь принципиальна: электоральные успехи КПрФ воспринимались братскими партиями как ресурс легитимации собственных позиций, и наоборот – поражения российских коммунистов ослабляли их партнёров.

В. А. Купцов, курировавший в ЦК КПрФ международные связи, представлял ортодоксальное крыло партии и настаивал на жёстком следовании линии восстановления СССР, что нередко вызывало раздражение у партнёров, выстраивавших более гибкую тактику в своих странах (Николенко, 2015а). И. И. Мельников, возглавивший с 1995 г. Всероссийское общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, напротив, делал ставку на прагматизм и учёт национальной специфики (Николенко, 2015б). Эти два подхода – ортодоксальный и прагматический – сосуществовали внутри руководства КПрФ на протяжении всего исследуемого периода. Их конкуренция проявлялась, в частности, в различии реакций на тактические зигзаги КПУ и на позицию ПКРМ: если линия Купцова требовала жёсткой критики «отступников», то линия Мельникова предполагала поиск компромиссов.

На организационном уровне координирующую роль в усилиях коммунистов играл СКП-КПСС. Под эгидой Союза регулярно проводились конференции, семинары, круглые столы с участием представителей компартий. Совет СКП-КПСС рассматривал и утверждал совместные заявления и программные документы, вырабатывал тактику борьбы. Впрочем, в силу доминирующего положения КПрФ внутри Союза его деятельность нередко подвергалась критике со стороны более самостоятельных компартий Украины, Молдовы, Грузии. О глубине внутренних противоречий в СКП-КПСС свидетельствует конфликт июля 1994 г.: заместитель председателя Совета А. А. Пригарин выступил с инициативой создания Российской коммунистической партии – КПСС (РКП-КПСС), претендовавшей на роль российской организации напрямую внутри СКП-КПСС – в обход КПрФ. Пленум Совета СКП-КПСС 9-10 июля 1994 г. осудил эти действия (Шенин, 2002).

Серьёзной проблемой оставались недофинансирование СКП-КПСС и отсутствие постоянного управленческого аппарата, а также чётко реализуемой на практике идеологической базы (Шенин, 2002). О. С. Шенин (2002, с. 114) позднее признавал, что СКП-КПСС представлял собой «международную организацию», которая выполняет только координирующие функции по отношению к вошедшим в неё республиканским компартиям, но сама «не создаёт низовых звеньев», не ведёт массово-политической работы. Фактически Союз превратился в консультативный орган при ЦК КПрФ без серьёзных рычагов влияния на братские компартии. К 1995 г. компартии были восстановлены во всех бывших республиках, кроме Туркменистана, однако реальная координация между ними оставалась формальной.

Обобщая материал о характере взаимоотношений КПрФ с братскими компартиями, можно выделить четыре фактора, определявших конкретную модель взаимодействия в каждом случае. Первый – геополитическое положение страны: чем была ближе экономическая и культурная интеграция с Россией (Белоруссия), тем были теснее партийные связи; чем более острыми были территориальные противоречия с Москвой (Грузия, Молдова), тем была автономнее позиция местной компартии. Второй – электоральный потенциал партии: партии, имевшие реальные шансы на парламентское представительство и участие во власти (КПУ, ПКРМ), были вынуждены подчинять международную солидарность внутривосточной тактике, тогда как маргинальные партии (балтийские) могли позволить себе большую идеологическую ортодоксальность – но именно по той причине, что не имели электоральных перспектив. Третий – характер политического режима в стране: авторитарные режимы Центральной Азии сужали пространство для любой партийной деятельности, делая реальную координацию с КПрФ невозможной вне зависимости от желания партийных руководителей. Четвёртый – субъективный фактор: личные связи, доверие или неприязнь между конкретными лидерами определяли, будут ли формальные механизмы координации реально осуществлены или продолжать существовать в декларативном виде. Взаимодействие этих четырёх факторов, в нашем представлении, и порождало ту «противоречивую специфику», которая была заявлена в качестве предмета настоящего исследования.

Программа КПрФ, принятая III съездом 22 января 1995 г., закрепила членство партии в СКП-КПСС и провозгласила «укрепление Союза коммунистических партий важнейшим политическим условием воссоздания

на добровольной основе Союзного государства» (Программа КПРФ, 1995). Эта формулировка, впрочем, фиксировала скорее идеологическую установку, нежели политическую реальность: к середине 1990-х гг. каждая из партий-участниц СКП-КПСС всё более определённо выстраивала собственную, национально ориентированную стратегию.

Заключение

Проведённое исследование даёт основания утверждать, что в 1991-1995 гг. взаимоотношения КПРФ с коммунистическими партиями бывших союзных республик определялись устойчивым противоречием между интеграционным курсом и центробежными тенденциями. Организационные условия восстановления компартий на постсоветском пространстве – правовой запрет, утрата инфраструктуры, дискредитация коммунистической идеи – существенно варьировались от страны к стране, что с самого начала предопределило различие тактик и темпов партийного строительства. СКП-КПСС как институциональная площадка координации выполнил свою задачу лишь отчасти: обеспечив символическое единство и регулярность контактов, он не смог стать механизмом реального управления в силу ограниченности ресурсов и нарастающих разногласий между партиями-участницами. Идеино-тактические расхождения – от позиции КПУ по отношению к украинской государственности до критики ПКРМ в адрес «имперских замыслов» Москвы – отражали объективную необходимость каждой партии выстраивать самостоятельный курс в национальных условиях. Субъективный фактор – личные связи партийных руководителей, зафиксированные, в частности, в переписке из фонда В. И. Зоркальцева, – играл в этот период не менее важную роль, чем институциональные механизмы, компенсируя слабость формальных структур. В совокупности рассмотренный материал позволяет констатировать, что к середине 1990-х гг. единство коммунистического движения на постсоветском пространстве оказалось в значительной мере размытым, а КПРФ, оставаясь безусловным лидером и главным интегрирующим центром, вынуждена была считаться с растущей самостоятельностью братских компартий.

Дальнейшее изучение темы предполагает расширение хронологических рамок до конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда внутри СКП-КПСС произошёл раскол между сторонниками Г. А. Зюганова и О. С. Шенина (2000-2001), а ряд постсоветских компартий – прежде всего ПКРМ – получил опыт пребывания у власти. Перспективным представляется также введение в научный оборот дополнительных архивных источников, в первую очередь фондов КПРФ в РГАСПИ (ф. 665) и ГА РФ (ф. 10026), значительная часть которых до сих пор не исследована.

Материалы исследования | Research materials

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10026. Оп. 9.
2. Зюганов Г. А. Держава. Изд-е 2-е. М.: Информпечать, 1994.
3. Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1992-2005). М.: ИТРК, 2006.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 г. № 9-П по делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79, от 25 августа 1991 г. № 90, от 6 ноября 1991 г. № 169 // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1993. № 1.
5. Программа Коммунистической партии Российской Федерации: принята III съездом КПРФ 22 января 1995 г. // Электронная библиотека исторических документов. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74967>
6. Программа Союза коммунистических партий – КПСС: принята XXIX съездом КПСС (г. Москва, 26-27 марта 1993 г.) // СКП-КПСС. <https://kprf.ru/kpss/>
7. Программное заявление II Чрезвычайного съезда Коммунистической партии Российской Федерации. 14 февраля 1993 г. // Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1992-2005). М.: ИТРК, 2006.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 665 (Коммунистическая партия Российской Федерации). Оп. 1-2. Материалы II (Чрезвычайного) съезда (1993), III-VIII съездов, документы ЦИК КПРФ (1993-1995), ЦК и Президиума ЦК КПРФ (с 1995).
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 813 (Личный фонд В. И. Зоркальцева). Оп. 1.
10. Шенин О. С. Время бороться – время наступать. М.: Палея, 2002.

Источники | References

1. Бахлова О. В., Бахлов И. В., Уляшкина Е. Г. Союзное государство в восприятии политических партий России и Белоруссии // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 3 (60). <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2021-3-60-3-16>
2. Борисенко Е. Ю. Кравчук Леонид Макарович // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2023. https://doi.org/10.54972/00000001_2023_1_8
3. Боцан И. Многопартийность в Республике Молдова: энтропия развития // Политическая наука. 2006. № 1.

4. Ермаков А. А., Тарасов Ю. А. К вопросу изучения причин распада СССР // *Аллея науки*. 2023. Т. 1. № 5 (80).
5. Зюганов Г. А. Мы – партия патриотов и интернационалистов: КПРФ о национальной политике. М.: Правда-Пресс, 2009.
6. Николенко К. Д. Идеология и практика КПРФ: проблема исторической преемственности и поиск новой политической идентичности. М.: ТД «Алгоритм», 2015а.
7. Николенко К. Д. КПРФ в 1999-2003 гг.: потеря инициативы и спад влияния // *Труды Института российской истории РАН*. 2015b. № 13.
8. Олейник В. В., Лебедюк В. Н. Распределение влияния между фракциями и группами в Верховной Раде Украины (1990-2012 гг.) // XII всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014 (г. Москва, 16-19 июля 2014 года). М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2014.
9. Родионова М. Е., Белоконев С. Ю., Селезнёв П. С. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии: коллективная монография. М.: КноРус, 2018.
10. Ульянова Ю. С. История «народных фронтов» на советском и постсоветском пространстве (1987-1999 гг.): автореф. дисс. ... к. ист. н. Пятигорск, 2000.
11. Шишков В. В. Распад «советской империи»: украинский сценарий // *Россия и новые государства Евразии*. 2022. № 4 (57). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-142-154>

Информация об авторах | Author information

Майоров Георгий Александрович¹, к. экон. н.

¹ Государственный университет управления, г. Москва

Georgy Aleksandrovich Mayorov¹, PhD

¹ State University of Management, Moscow

¹ maiorov.7575@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.03.2026; опубликовано online (published online): 04.05.2026.

Ключевые слова (keywords): коммунистическое движение; Коммунистическая партия Российской Федерации; постсоветское пространство; Союз коммунистических партий – КПСС; центробежные тенденции; межпартийное взаимодействие; communist movement; Communist Party of the Russian Federation; post-Soviet space; Union of Communist Parties – CPSU; centrifugal tendencies; inter-party interaction.